

А. ЛАЗАРЧУК
М. УСПЕНСКИЙ
И. АНДРОНАТИ

МАРШ ЭККЛЕЗИАСТОВ

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ЧУМА

Гиперборейская чума

Михаил Успенский

Марш экклезиастов

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Марш экклезиастов / М. Успенский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Гиперборейская чума)

«Марш экклезиастов» — завершающая часть трилогии Андрея Лазарчука, Михаила Успенского и Ирины Андронати «Гиперборейская чума». Нынешний мир разрывают на части различные катаклизмы — от природных до рукотворных. Пятый Рим и Николай Гумилёв пытаются разобраться в природе этого загадочного хаоса. В Барселоне по их инициативе созывается заседание большинства земных тайных обществ. И буквально сразу же на город обрушивается цунами. Уйти и спастись от неминуемой смерти Николаю Степановичу и его товарищам удаётся только через тайную систему румов. Но вот попадают они в проклятый город Ирэм. Выхода из которого нет...

© Успенский М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Марш экклезиастов	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
1	10
2	17
3	23
В ожидании парабеллума	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский, Ирина Андронати

Марш экклезиастов

Авторы признательны Дмитрию Быкову за расшифровку и подготовку к печати стихов из новой чёрной тетради.

*Не будем цепляться за жизнь,
Забудем о слове «пощада»,
И рифмы не будем искать
Для жизни: ей рифмы не надо.*

*Мириться устала душа,
Пружинить устала рессора.
Не всякая жизнь хороша.
Да здравствует добрая ссора!*

*Когда назревает разрыв,
Не станем молить об отсрочке.
Соблазн многоточий забыв,
Поймём преимущество точки,*

*Падения праздничный взлёт
И гордого люмпена навывк.
Увидит – сама приползёт.
Но лучше без этих поправок.*

*Довольно! Прославим отказ
От муторной, мусорной тяжбы,
Похерить которую раз
Почётней, чем выиграть дважды!*

*Довольно мирить полюса,
Не станем искать компромисса —
Улисс был большая лиса,
Но Гектор был лучше Улисса.*

*И если за нами придут,
Не станем спасаться в подвале —
Довольно мы прятались тут,
Пока нас ещё не искали.*

*Посмеем однажды посметь.
Пускай оборвётся цепочка:
Наш выбор – красивая смерть*

И смерть некрасивая. Точка.

*Не стоит смущаться душе
Легендой про выси и дали.
Что будет – всё было уже.
Чего мы ещё не видали?*

*Нам нечего здесь прославлять,
Помимо цветов или пташек,
Нам некого здесь оставлять,
Помимо мучителей наших.*

*Не будем цепляться за жизнь,
Когда на неё замахнутся,
И рифмы не будем искать
Для жизни: и так обойдутся.*

*Пока же расставлена снедь
И лампа в бутылку глядится —
Не будем цепляться за смерть.
Она нам ещё пригодится.*

Дмитрий Быков

Марш экклезиастов

В фильме должно быть начало, середина и конец – но необязательно именно в этом порядке.

Жан Люк Годар

– Чепуха, – отрезала леди Мод. – Чтобы лев тебя не тронул, надо только не показывать испуга и смотреть ему прямо в глаза.

Том Шарп «Блотт в помощь»

Долгая жизнь имеет свои преимущества. Так, например, я выяснила, что помимо экзистенциального ужаса и экзистенциального отчаяния существуют экзистенциальное веселье и экзистенциальная отвага.

Д. Х. Шварц «По следу орла»

ПРОЛОГ

Всё случилось так внезапно, банально и буднично, что никто ничего не понял, а когда понял, всё уже случилось, и было поздно что-то менять, отменять, начинать заново – просто потому, что ничего нового теперь никогда не будет и вообще ничего не будет, и разве что только из расчёта на чудо можно попытаться спасти то ничтожно малое, что нуждается в спасении.

Ему уже приходилось – страшно давно, в какой-то другой, забытой, неведомой жизни, – вот так же кого-то откуда-то выводить, стены горели, глаза выедал дым. Он забыл, кого он выводил и чем кончилось тогда. Ему приходилось и по-другому: бросать своих в руках врагов и бежать за помощью. Опять же – трудно было вспомнить, кого он бросал и кто были враги. Прошло много тысяч лет и несколько разных жизней.

Бугристое буро-лоснящееся небо стремительно валилось вниз, и казалось, что только сотни вибрирующих от немыслимого напряжения молний, как колонны, поддерживают его запредельную тяжесть, и что вот-вот они подломятся, и тогда настанет конец всему. А в центре неба, как раз над вершиной холма, в небе намечалось какое-то розовое сияние, будто сферы горние раскалились от этих молний и просвечивали сквозь мглу.

Наверное, всё это гремело, ревело и скрежетало, но почему-то главным звуком мира был странный слабый шелест или шорох, от которого сводило скулы и вставала дыбом вдоль хребта отсутствующая шерсть. И что-то странное происходило с глазами: не было ни тумана, ни дыма, и предметы вдали вырисовывались вполне отчётливо, – но вот то, что вблизи, казалось бесформенным, мутным, неясным. Чем ближе, тем мутнее.

Он не знал, что видели глаза спасаемых. Женщина время от времени робко и слабо дёргалась, мужчина шёл спокойно.

Так же спокойно – ничего не заметив? – они перешагнули через мертвеца. Кажется, это был кто-то из крылатых стражей, сбитых молниями с неба. Труп был изломан и опалён чудовищно.

Стены домов старого города осыпались, разваливались, ползли, словно сложены были из мокрого песка. Вероятно, та сила, что поддерживала их невероятное кружевное плетение, утрачивала себя, то ли погибая, то ли вытесняясь какой-то иной, невыносимой, чужеродной силой – центром которой было то самое светящееся пятно в бугристом небе...

Он уже видел впереди контур городских ворот, когда эта сила обратила свой взгляд на бегущих. На таких маленьких бегущих.

Земля качнулась.

Земля качнулась, и по ней зазмеились трещины. Каждый кусок мостовой стал маленьким плотом, плывущим по добела раскалённой лаве. Нужно было прыгать с плота на плот, удерживая в руках спасаемых – которые, похоже, всего этого не видели ни черта.

Улица, которая и прежде-то уже походила на проход среди мусорных куч, превратилась в проход среди пылающих мусорных куч – только пламя было необычным: серым, серосиним, местами чёрным. Земля качнулась вновь, и узкая дорожка начала скручиваться, как скручивается в огне кожаная подмётка.

И он вдруг впервые испугался, что может не дойти.

Чёрное пламя обжигало. Какая-то горячая труха сыпалась сверху, резала глаза. Дышать стало нечем.

Он оглянулся. Розовое пятно стало багровым, выпятилось – теперь оно скорее походило на готовый прорваться гнойник. Гнойник в небе.

Когда он снова посмотрел вперёд, то чуть не закричал: проход исчез. Не было ни улочки, ни огня, ни ворот – была распахнутая дыра в ничто. Дыра, обрамлённая какой-то жуткой трясинной.

И только потом он увидел тропинку – узкую, в ладонь. Она вилась как раз между дырой и краем трясинны.

Ну, ёшкин кот...

Он рывком забросил женщину на плечо, мужчину сунул подмышку. Они возмущённо брыкались, женщина вдобавок царапалась. Тропинка плясала под ногами, как слабо натянутый канат.

За спиной развернулся дикий сполох – и всё вокруг сделалось жёлтым и чёрным. Он не рискнул обернуться, но мир начал сам проворачиваться под ногами.

Нужно было бы найти зацепку взгляду, точку на горизонте, к которой стоит стремиться – однако всё рушилось, сползало, растекалось. Трясины рая, подумал он. Что ж вы наделали, мудрецы недалёкие, маму вашу г'рэць...

Ворота появились мгновенно, чёрное чугунное кружево. Только что не было ничего. За воротами тоже клубились тучи, но это были обыкновенные тучи. Обыкновенные грозовые. Из них будет лить дождь или бить град.

Он боялся, что ворота окажутся закрыты и тогда всё напрасно, но нет: кто-то из стражей успел – до того как умереть (он уже не сомневался, что умерли все или почти все) – снять с ворот заклятое слово. Многотонная створка отъехала, когда он просто нажал на неё плечом.

За воротами начиналась дорога, мощённая гранитными плитами. По сторонам дороги штормило ковыли – высокие, человеку по плечо. Дикий свет, прилетающий из-за стен, делал ковыли жуткими – цвета морских глубин.

Туда, на дорогу, к ковылям – он и выбросил спасаемых. Они тряслись от унижения и страха, маленькие, почти голые – носители божественной искры... Из-за пазухи он выудил чашу и, размахнувшись изо всех сил, зафитилил ею куда-то далеко, подальше отсюда, к самому горизонту.

Потом повернулся.

Город как стоял, так и стоял на своём месте, но теперь это был мёртвый город, из которого заживо выдрали душу. Мерцающие стены домов оказались просто стенами, в хрустальных окон плясали отблески серого пламени. Деревья уронили листья и превратились в уголь и медь. Пляшущие камни замерли в диких позах, ручьи-тропуары остекленели. Дворец на холме горел, и самые высокие его башни таяли и оплывали, как свечи.

А над всем этим, прикрываясь клочками дыма и обрывками туч, плавало что-то бесформенное: то ли комок змей, то ли медуза со щупальцами, то ли гнездо длинных плотных смерчей... Ну, подумал он, иди сюда, иди, жираф ты в жопу изысканный!..

...И опять какая-то хрень происходила со зрением, глаза застилало, и что угодно можно было принять за что угодно...

Он вынул из ножен огненный меч, взмахнул им в воздухе несколько раз, чтобы как следует прогреть, – и встал в воротах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Лошадь посередине неудобна, а по краям опасна.

Ян Флеминг

- Мы поднимаемся?
- Нет! Напротив! Мы опускаемся!
- Хуже – мы падаем!
- Попробуйте посильнее нажать кнопку!
- Там что-то происходит!
- Вроде бы пошли вверх?
- Нет!
- Это же волна! Идёт волна!
- Сейчас накроет!
- Смотрите: море отступает!
- Всё покрыл властный голос:
- Заткните дыру! Мне мешает ветер!..

Эти слова слышались на высоте четвёртого этажа барселонского отеля «Каса дель Соло» 18 мая 2004 года, около одиннадцати часов дня.

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в том году накануне годовщины искушения Блаженного Августина. Барометр упал до 700 миллиметров, а термометр – до нуля, а временами и ниже. Страшный норд-вест дул, не утихая, с 18 по 26 мая. Он произвёл невиданные опустошения в Европе, Африке и Азии, на полосе в тысячу восемьсот километров – во Франции, Испании, Марокко, Ливии, Египте, Израиле, Саудовской Аравии, Йемене и Ираке. Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошённые нахлынувшими горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разорённые смерчем, всё сметавшим на своём пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощённых водой, – вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Даже для привыкших ко всему обитателей взбесившейся планеты Земля это было немного чересчур...

Но вернёмся в кабину лифта, застрявшего на высоте четвёртого этажа. Лифт был не из тех, что носятся стремглав меж этажами, подобно челноку исполинской ткацкой машины, – а из тех, что как бы ползают неторопливо по стенам зданий, обычно не слишком высоких. Весь из прозрачного пластика, он являл собой ненадёжную защиту шести своим пассажирам. Градины величиной с хороший булыжник неслись горизонтально и разрывались на стенах, как гранаты; немногие уцелевшие окна время от времени добавляли в общий оркестр бури фиоритуры разлетающегося стекла. Молнии хлестали над крышами; гром ревел непрерывно, подобный артиллерийской канонаде. Тучи, кружась, спускались всё ниже, грозя раздавить собой хрупкие здания. Не было видно земли, а только невнятное шевеление тьмы, происходившее где-то внизу. Со стороны моря, плохо видимого за ливнем и ураганной мглой, исходила какая-то чудовищная угроза, перед которой люди замирали и немели, уподобляясь мягким съедобным тварям под взглядом беспощадного хищника. Вдруг сделалось светлее: низкие стремительные тучи пролетели, и над побережьем воздвигся исполинский купол, как бы подсвеченный сверху; это сияние не освещало ничего, кроме самого купола, – напротив, сгустив тьму над землёй. Кажется, полетел снег. Гром, наверное, стих – но то, что пришло

ему на смену, было ещё страшнее. Это был невыносимый звон, будто облачный купол являл собой исполинский колокол...

– Заткните же наконец дыру! И дайте другую зажигалку!..

...А ведь начиналось всё очень мирно! Чертовски мирно для места, где, по утверждениям жёлтой прессы, сконцентрировались нынче все тёмные силы Вселенной, вся мировая закулиса. Заявленные антиглобалисты, к разочарованию полицейских, на митинг так и не сползлись – надо полагать, не решились. Или приходили в себя после вчерашнего шабаша с ведьмами...

Короче говоря, четвёртый день работы Первого Всемирного Конгресса Тайных обществ не предвещал ничего сверхъестественного. Были объявлены доклады по секциям: хранителей утерянного Грааля, истинных кабаллистов, «Трёх волхвов», новых храмовников, алхимиков, «общества Рагнарёк», – а также семинары историков-окультистов, конспирологов-теоретиков и укротителей джиннов. Потом предстоял обед, после обеда – итоговая пресс-конференция, свободное время, а затем праздничный банкет, на котором ожидалось что-то такое, о чём никто толком не знал, а предсказатели закатывали глаза и отмалчивались. По слухам, Папа Римский в прямом эфире собирался принести ведьмам извинения за былые эксцессы...

Похоже было на то, что основная масса конгрессменов проманкирует всеми мероприятиями, предшествующими банкету: после вчерашнего шабаша сил ни на что конструктивное не осталось. Собственно, и с пляжа, где в ночь состоялось центральное событие Конгресса, вернулись пока ещё далеко не все...

Шутки шутками, но не только для журналистов, а и для подлинных организаторов Конгресса ночной шабаш был главной сферой приложения сил. Эффектные фокусы, невразумительные умствования и скандальные заявления никого, в сущности, не интересовали – а вот в невольном разгуле, при всей его неловкости и несуразности, подчас проявлялись стихийные таланты, – и, чем чёрт не шутит, могли по неосторожности засветиться те, кто тёмными силами себя не называл, но – являлся.

В общем, должно было произойти то, ради чего, собственно, и заваривалась вообще вся эта потусторонняя густая барселонско-гурьевская кашка.

Брюс¹ нутром чувствовал неладное – недаром же третью ночь проводил на местном кладбище, блуждая в лабиринтах древних захоронений. На него вроде бы уже перестали обращать внимание, но сначала вышел конфуз: горланящего в полночь на кладбище дикие песни старого кошуна препроводили в полицейский участок, а он возьми да и окажись миллиардером и генеральным спонсором Конгресса...

На вопросы Николая Степановича Брюс отвечал рассеянно, туманно, по преимуществу цитатами из старых мудрецов, и смотрел куда-то мимо.

К завтраку он не вышел, зато на его имя приволокли счёт за покупку на коммерческой основе десяти литров консервированной крови. Костя, слегка офигев, но не дёрнув ни мускулом лица, счёт оплатил...

За столом в почти пустом зале собрались сам Николай Степанович, Аннушка, Костя, сильно обгоревший под испанским солнцем, и индеец Армен, которому солнце было нипочём. Костя вышел уже в малые таинники и кастеляны ордена «Пятый Рим» и сделался правой рукой Николая Степановича, великого таинника и маршала одного ордена. Армен и его оставшийся в Москве брат-близнец Пётр, несмотря на молодые года, уже вот-вот перестанут ходить в учениках – дела им достались такие, что в пору опытным бойцам былых времён...

---

¹ Брюс, Яков Вилимович (род. 1670) – ближайший сподвижник Петра Великого, президент Берг- и Мануфактур-коллегии. Алхимик, колдун и прорицатель.

– Как я понимаю, опять пустые бдения? – констатировал Николай Степанович.

– Ну... – Костя описал вилкой плавный зигзаг. – В общем, да. Всякие мелочи – ничего нового и ничего необычного.

– Я бы даже сказал – подозрительно мало всего, – медленно проговорил Армен, разглядывая салат с мидиями. – Как будто всё интересное специально убрали. И, дядя Коля... может быть, это мой глюк – но мне всё время мерещится взгляд в спину. Причём не прямой, а как бы издали и искоса. Но, может быть, это из-за того, что вообще тревожно...

– Ты знаешь, Арменчик, – сказала Аннушка, – а мне ведь тоже мерещится такой вот взгляд.

Все посмотрели на неё. Всем было известно, что супруга маршала начисто лишена каких-либо сверхчувственных и прочих подобных способностей. Многолетние попытки научить её хотя бы гадать на картах так ни к чему и не привели. Непробываемое здравомыслие, вздыхал Николай Степанович. Аннушка досадовала, хотя и не подавала виду. Для Ордена, впрочем, такой человек был достаточно полезен: будучи полностью в курсе всех дел, но получая информацию о событиях в мире исключительно по обычным каналам, она служила своего рода детектором, измерительным прибором, этаким кронштадтским Ординаром... Когда мы начнём сходить с ума и нести околесицу, ты нам скажешь, говорил Николай Степанович, – и вот тогда мы поймём, что нащупали что-то.

– Ну, это может быть и просто от напряжения... – он неуверенно посмотрел на жену. – Ты же знаешь, люди часто... Я вот вообще ничего не чувствую. А должен бы... – он почувствовал рванувшееся вдруг изнутри пузырящееся раздражение и замолчал. – В общем, коллеги, есть мнение, что мы действительно оглохли и ослепли, сами того не заметив. Или почти оглохли. А?

– Как вариант, – кивнул Костя.

– Наши действия?

– Я бы дождался, что скажет Яков Вилимович, – и Костя потёр пальцем свою щегольскую «бразильскую ленточку», что у него было признаком лютой неуверенности в себе.

– Я бы тоже, – согласился Армен.

– Допустим, он тоже ни черта не чувствует и не понимает. Тогда?

– Но ведь вы сами запретили все активные акции, – напомнил Костя.

– Да. Хотя, честно говоря, я просто не ожидал такого афронта... а то... Нет, отставить. Что мы можем сделать, не прибегая к активным мерам? Как нам убедиться, что у нас не вата в ушах и не шапка на глаза съехала?

– Отъехать чуть в сторону, – сказала Аннушка.

– Плюнуть на всё и вернуться, – сказал Армен. – Всё равно один только вечер остался. Что мы успеем? А там Светлана разберётся, что с нами и как...

– Есть у меня человечек на примете, – продолжая сандачить бородку, задумчиво сказал Костя. – Надо только сплести ему подходящую историю...

– Что за человечек?

– Инквизитор-расстрига. Хуан-Пабло его звать. Вчера с ним на пляже пива попили. Он как бы сам по себе, турист. Но любопытствует чертовски. И, мне кажется, он довольно сильный душегляд. Я не рискнул лезть глубоко, однако...

– Забавно, – сказал Николай Степанович. – Инквизиторы... А что, если лучших предложений нет, давайте познакомимся с инквизитором Хуаном-Пабло. В конце концов, работаем в одной области: надзор за исполнением планов Господних... М-да.

И все поняли, что значит это «м-да».

Уже давно, но последние годы всё гуще и гуще на человечество валились какие-то неуместные беды: то зимнее наводнение, смывшее пол-Парижа, то чудовищная засуха в Голландии, то нашествие тли и божьих коровок на Лондон. Берлин стал самым грязным городом

мира: ветра устойчиво поменялись так, что вся европейская летучая дрянь, прежде уносимая в океан, выливалась, как в воронку, на его крыши; дождливых дней здесь стало триста пятьдесят в году; в Берлине же затопило метро, да так, что уже четвёртый год воду не могли откачать. Непонятным образом американские Великие озёра стали горько-солёными. В Сан-Франциско, Мехико, Лиссабоне и Москве взрывалось всё, что только могло взорваться: бензоколонки, газовые резервуары и просто баллоны, какие-то подземные ёмкости, о которых никто не знал или просто забыл, гаражи, автомобили, дома, заводы, склады и даже свалки; люди жили, как в осаждённых обстреливаемых городах. По Сибирской лесостепи стаями гуляли смерчи, каких сроду не выдвали даже в штате Теннесси. Западную и Центральную Африку непрерывно трясло, там образовывались новые вулканы, и даже старичок Килиманджаро начал извергаться. Юг Австралии встряхнуло один раз, но так, что второго и не требовалось: Канберра ушла под воду. Гольфстрим дышал на ладан; Европа в ужасе замерла, ожидая, что будет после.

И так далее. Список бесконечен.

Это, если можно так выразиться, рядовые события.

Каждое из них вполне могло быть объяснено естественными причинами; пугали только их густота и интенсивность.

А вот чем объяснить появление в Полесских болотах громадных ядовитых змей – а то и чего-то похуже змей, потому что так растерзать человека не в состоянии ни одна змея? Равно как и нашествие на Японию громадных – полуметровых – крыс, наглых, не боящихся никого и ничего? Почему вдруг странно и жутко принялись мутировать тараканы – после пятидесяти миллионов лет абсолютной генетической неизменности? Почему в центре Ашхабада огромный памятник Отцу Всех Туркмен среди бела дня взял да и осел на землю грудой размягчившегося зернистого металла и ставшего вдруг песком гранита – при этом бронза была ледяной и даже заиндевела? В Индийском океане с самолёта видели двух китов длиной не менее полукилометра каждый – чего, понятно, быть не может, но вот поди ж ты. И, наконец, куда делся давний сибирский купеческий городок Ошеров в устье одного из притоков Ангары? – Николай Степанович не раз бывал в нём по пути в Предтеченку, а теперь вот не то что самого города нет, но и со старых карт он исчез, и местные жители о нём не помнят, и вообще ерунда полная...

Однако и это, можно сказать, укладывалось в рамки здравого смысла. В рамки, основательно расширенные и дополненные – но тем не менее.

Кое-что не помещалось даже в них.

В Лувре старела Мона Лиза. Даме на холсте было уже явно за сорок – и становилось всё больше.

Напротив, множество людей – счёт шёл на сотни тысяч – начали постепенно молодеть. Пока что они этому радовались...

В некоторых районах Монголии и Китая стала гореть вода. Любую воду, зачерпнув в неглубокую посуду, можно было поджечь зажигалкой или спичкой. Большие объёмы пока ещё не горели... Во всех отношениях это была обычная вода. Если её вывозили в другое место, она переставала гореть. И наоборот – многократно проверенная и туда ввезённая негорючая вода немедленно обретала свойство горючести.

Сотни миллионов людей обращались к врачам с жалобами на то, что ничего не успевают сделать: вот только что было утро – а вот уже сразу следующее. Врачи говорили слова, прописывали лекарства, а сами отмечали, что совсем недавно успевали принять по пятьдесят человек за день, а теперь – едва ли по двадцать.

С другим феноменом приходилось иметь дело гражданским властям: в дом входил незнакомый человек и говорил: теперь я буду Имярек – и, что характерно, он был Имярек во всём, кроме внешности и ещё того, что у него сохранялась память о предыдущей жизни,

из которой какая-то неведомая сила вырвала его и послала играть другую роль. Бывший же Имярек мог быть найден в другом месте и даже в другой стране... а мог и не быть.

Потому что некоторые люди превращались в камни. Это было жуткое зрелище – валун, сохранивший какие-то черты человека. Мало кто видел, как это происходило: человек, поражённый «каменной болезнью», стремился забиться в какое-нибудь наименее людное место, – но, похоже, превращение было мучительным.

В книгохранилищах отмечали: из старых книг стали исчезать тексты. Чернила и типографская краска испарялись прямо на глазах.

И во множестве рождались младенцы с жабрами...

При этом люди изо всех сил стремились жить так, как раньше – закрыв глаза, заткнув уши, пряча руки в карманы, дабы не наткнуться на что-то странное. Это истерическое желание *не замечать* казалось самым жутким отклонением от нормы из всех известных, а может быть, и не известных.

Казалось бы, самое время появляться всяческим адептам и проповедникам – ничего подобного, даже уже имевшиеся вдруг в массовом порядке отрекались от былых заблуждений, каялись во лжи и просили прощения у паствы, иногда раздавая несправедно нажитое имущество...

Пятый Рим – а именно Брюс, Николай Степанович и Костя – сформулировали, что имеют дело с прямой явной угрозой роду человеческому, 29 декабря 2003 года на предновогодней *предикации*; никто не предполагал серьёзного разговора, но он случился сам собой, когда по телевизору, только что весело трындевшему, начали показывать Злату Прагу, по шею залитую потоками тёмной мутной воды – и то, как эта вода ломает и опрокидывает Карлов мост. На голове чудом уцелевшей статуи святого Варфоломея сидел, прижавшись всем телом, вцепившись в мрамор крыльями, как руками, остекленевший от ужаса голубь...

Забыв о подготовке к празднованию, триумvirат углубился в соображения и подсчёты – и пришёл к выводу, что, во-первых, число несчастий, валящихся на людей, возросло как-то уж слишком, во-вторых, все они так или иначе описаны в разных пророческих книгах – и в-третьих, очень странно, что и Брюс, и Николай Степанович, предпринимавшие время от времени «траление эфира», не отмечали ни малейшего нарастания угрозы – а напротив, какое-то общее смягчение, умиротворение и успокоенность.

В общем, Новый год получился скомканный.

Месяца три ушло на сбор информации. В конце марта Орден постановил: если тенденция не изменится, лет через десять-пятнадцать цивилизация прекратит своё существование, а та часть человечества, которая при этом уцелеет, вернётся в состояние дикости. И, очень похоже, этот процесс идёт не сам собой, а направляется кем-то умным и злонамеренным.

Попытки *вычислить* супостата успехом не увенчались. Тогда Брюс предложил провести несколько разнокалиберных мероприятий, которые по сути своей стали бы приманкой для врага. Казалось, что время терпит.

Первым из запланированных крупных действий стал Международный Конгресс тайных обществ, широко разрекламированный в прессе...

И вот Конгресс подошёл к завершению, а враг так и не объявился. Наживка осталась не востребованной.

Надо было смотать эту удочку и идти готовить следующую. А там, глядишь, дело дойдёт до частого невода и динамита...

Но, как это часто водится у рыбаков, решили посидеть ещё немного – а вдруг клюнет?

Уже не говоря о делах, а только ведя нарочито беспечную застольную беседу, а именно: привычно ругая испанскую безнадежную (ей уже ничто не поможет) кухню, – позавтракали; и тут в ресторане появился Шаддам.

Он появился рядом как всегда неслышно, к этому давно привыкли; что было необычно, так это его появление в том месте, где люди едят. Для Шаддама всё, так или иначе связанное с едой, было... ну, не то чтобы отвратительно... хотя чего уж там – именно отвратительно, просто он старался не показывать виду.

Одет он был так, словно отсюда направлялся на неофициальный приём у королевской четы: строгий шёлковый костюм тёмного серо-синего цвета без искры, а скорее с каким-то глубоким таинственным мерцанием, шёлковая же сорочка – белая, но с едва уловимым оттенком слоновой кости, – и галстук в виде шнурка с кисточками на концах; на ногах были изысканные туфли из змеиной кожи. Впрочем, Шаддам всегда так одевался. Высокий, стройный, удивительно гибкий, с лицом безвозрастным, смуглым и тонким, с замечательными грустными глазами, он должен был бы пользоваться исключительным вниманием дам всех возрастов и повадок – но вот почему-то не пользовался. Мимо него беспечно пробегали, вешаясь на шеи каких-то совершеннейших уродов и замухрышек...

Его как будто нет или он страшно далеко, – в незапамятные уже времена, когда все только-только собирались вместе, когда из руин и пепла возникал обновлённый Пятый Рим («Пятый с половиной», – сарказничал Брюс), сказала о Шаддаме цыганка Светлана. Шаддам всегда существовал, словно отделённый от остального человечества тонким непробиваемым стеклом.

Он пришёл тогда, девятого мая полузабытого уже девяносто шестого года, как посланник от побеждённых ящеров-мангасов – с правом подписать безоговорочную капитуляцию и, на выбор победителя, вассальный или союзный договор. При этом он решительно не походил на тех ящеров, что попались под руку Николая Степановича со товарищи за время короткой, не замеченной миром, но беспощадной войны. Более того – к нему как-то сразу все прониклись симпатией. Он был изысканно интеллигентен...

В общем, Шаддам пришёл – и остался.

Беседа с ним, Николай Степанович постепенно заполнял лакуны в картине мира, которая сложилась у него после встречи с Золотым Драконом, хранителем всех знаний сверхдревней исчезнувшей цивилизации ящеров. Золотой Дракон не лгал и не утаивал ничего, просто он отвечал на вопросы, которые человек задал или хотел задать; на вопросы, которые никто задавать не собирался, он не отвечал; могло ли быть иначе?

Цивилизация ящеров погибла в ходе тысячелетней междоусобной войны; некоторые расы её исчезли без следа, но три – постарались уцелеть. Раса Ассартов, создателей исполинских подземных сооружений, скрылась в них навсегда, и какова её судьба, до сих пор неизвестно. А враждебные друг другу народы Сор и Дево, решив пережить созданные их же руками ледниковые эпохи, скрылись в специальных усыпальницах, оставив охранять их искусственных существ, своего рода биороботов – мангасов. Мангасы были пластичны, могли принимать почти любое обличие – в рамках размеров, разумеется, – обладали отменным интеллектом, но подчинялись одной маниакальной сверхидее: содержать в порядке усыпальницы и вообще готовить мир к возвращению своих создателей. Над ними поставлены были тоже искусственные, но более самостоятельные в решениях существа, наделённые полной свободой воли и свободой выбора – эронхай. И если мангасы имели долгий, но ограниченный срок жизни, вылупляясь из яиц и потом умирая, то эронхай были практически бессмертны; всё, что им требовалось, это перерождаться время от времени, как бы сбрасывая старую кожу. Перерождения помогали эронхаям и более тонко мимикрировать...

Когда выяснилось, что вся затея с усыпальницами блистательно провалилась – и Сор, и Дево втайне друг от друга подкинули в кладки яиц мангасов-хранителей яйца мангасов-диверсантов, которые, вылупившись, уничтожили оба спящих народа, – эронхай решили, что их больше не обременяет никакой долг перед предками – и пустились во все тяжкие. Они исследовали Землю, Луну, планеты Солнечной системы и добрались до бли-

жайших звёзд. Они проникли в самые глубокие тайны материи. Они научились управлять временем – вернее, управлять собой в потоке времени – и плыть туда, куда им надо, а не куда несёт течение. Многие следили за усилиями несчастных мангасов возродить былую цивилизацию или создать хотя бы заменитель её; впрочем, усилия эти в конечном итоге привели к появлению человека, причём – к *неоднократному* появлению человека... Некоторые из этих попыток эронхаи пресекли жёстко и даже жестоко.

Пресытившись и этим, большая группа эронхаев решила на какой-то не слишком внятный, но мегаломанический проект – чуть ли не сотворить Вселенную заново. Шаддам участия не принимал: он как раз накануне ушёл в перерождение, а когда переродился, ничего не мог и почти ничего не знал; перерождение вообще вещь тяжёлая, способности что-то делать возвращаются потом десятилетиями, а *старая* память – и столетиями. То есть Шаддам был уверен, что когда-нибудь вспомнит, что именно замыслили деятельные эронхаи. Он не знает, сложись иначе – принял бы он участие в этом деянии – или восстал бы на большинство (как выяснилось, были и такие). Однако получилось так, как получилось: более или менее придя в себя и заново знакомясь с миром, Шаддам понял, что кое-что важное в мире переменялось. А именно: то, что люди называли волшебством или магией и что на самом деле было просто *умениями* эронхаев, не то чтобы исчезло – но оказалось страшно обкорнанным, ограниченным и почти бесполезным... Он больше не мог ни летать, ни просачиваться в поры пространства, переходя в иные миры, ни превращать одним усилием воли песок пустыни в камень и хрусталь городов. Он стал почти обычным нестареющим человеком с памятью о небывалом. И, наконец, из мира совершенно, начисто, без следа исчезли сами эронхаи... В общем, Шаддам оказался примерно в положении Николая Степановича, когда тот, вернувшись в шестьдесят восьмом из Конго, обнаружил, что все его прежние соратники по Пятому Риму ничего не помнят и ничего не умеют. Как и Николай Степанович, Шаддам превозмог отчаяние и занялся мангасами, пытаясь спасти хотя бы то, что можно спасти. Мангасы исчезали с лица земли, люди и крысы уничтожали кладки их яиц. Многие мангасы – обычно это были те, кто охранял хранилища яиц, – начисто утратили былой интеллект, сравнившись с животными; некоторые рабски служили каким-то силам, о природе которых даже не догадывались. Ему удалось сколотить в Бухаре небольшую колонию мангасов – человек в сорок. Ему удалось вернуть им волю к жизни. Потом к ним прибились ещё трое эронхаев, немного позже него прошедших перерождение и тоже не знающих, куда делись остальные. Когда пришли эти трое, он *вспомнил*, что у эронхаев, как и у мангасов, есть деление на начальников и подчинённых. Он, Шаддам, просто по рождению сейчас был самым главным, но среди исчезнувших были те, кто главнее его...

Потом пришёл хан Чингиз², и почти все мангасы, и «младшие» эронхаи, и сам Шаддам – все пошли с Чингизом. Гулять так гулять...

---

² Чингиз, или Чингисхан, или Тэмучжин (1155–1227) – создатель и устроитель монгольской империи. Феноменально харизматическая личность.

2

Никогда не делайте ничего простого и практичного, если есть способ сделать это сложным и прекрасным.

Пако Рабани

– Доброе утро, – сказал Шаддам. – Мне не хочется огорчать вас, но Нойда пропала.

– Как – пропала? – не поняла Аннушка. – Как Нойда может пропасть?

– Мы гуляли, – сказал Шаддам. – Она бросилась к незнакомому мне человеку, когда он сворачивал за угол в переулок. Я думал, она вернётся, но она не вернулась, в переулке её тоже не было... В общем, я искал её два часа, но не нашёл. Боюсь, что её заманили в ловушку.

– Ну, Нойду-то я найду... – уверенно сказал Костя, приподнимаясь из-за стола. – Уж Нойду-то не найти...

– Что за человек? – остановил его жестом Николай Степанович.

– Высокий. Одно плечо выше другого, хромает. С тростью. Похоже, что весьма стар. Но я видел его только со спины...

– Опаньки... – Николай Степанович устался перед собой. – Сегодня под утро мне приснился Отто Ран³ с белой собакой – похоже, что именно с Нойдой... В какой-то маленькой комнатке с окошком под потолком... Хм. Судя по описанию вида со спины, это вполне мог быть он. Так. И что это нам даёт, коллеги? Если он к нам, то почему не пришёл сразу? Вряд ли он не догадывается, где мы расположились. Если же почему-то прячется от нас... мы его всё равно не найдём. Это лучшее, что он умеет, – прятаться.

– Но Нойда...

– Да, Костя. Бросай свои кубики.

– Они у меня в номере. Я сейчас...

И Костя исчез.

– С вашего позволения, – сказал Шаддам, – я посижу около бассейна?

– Да, конечно... – и Николай Степанович проводил его рассеянным взглядом.

Что-то сдвинулось, наконец? Или просто ещё один старый колдун решил стряхнуть пыль с чемоданов и посмотреть на давно надоевшие физиономии прежних друзей-противников? И почему так повела себя Нойда? Эти воспитанные Брюсом как-бы-собаки по интеллекту вполне сравнимы с человеком, а по интуиции далеко впереди... Нойда очень осторожна. Значит, опасности не ощущала... Все мы опасности не ощущаем, просто знаем, что она есть. Но не ощущаем.

Проклятье...

– Хорошо, – он посмотрел на часы. – Через десять минут собираемся у бассейна. Я тоже поднимусь в номер. Армен, со мной.

Было двадцать минут одиннадцатого.

В номере Николай Степанович быстро переоделся «по-военному» – сменил сандалии на кроссовки и поверх футболки с вышитыми рунными оберегами на груди и спине надел сетчатый рыбацкий жилет со множеством кармашков. В одном из кармашков, в частности, лежал ввезённый контрабандой пластмассовый пистолетик «Пеликан» с двумя запасными обоймами. Другой пистолет, армейскую «Беретту», он выдал Армену, который тут же заправил её за пояс джинсов, покрутился – действительно, было совершенно не заметно.

---

³ Отто Ран (род. 1904) – поэт, писатель, историк. Автор исторического романа «Крестоносцы против Грааля» (1933). В 1936 г. вступил в орден СС, служил в дивизии «Мёртвая голова». В феврале 1939 г. без объяснения причин уволился из СС и вскоре бесследно исчез. После войны его неоднократно встречали как в Европе, так и в Южной Америке. Не путать с Отто Ранком, этнографом и психологом, последователем Юнга.

– Вперёд? – предложил Николай Степанович.

– Волшебным словом и пистолетом вы добьётесь большего, чем просто волшебным словом, – сказал Армен, выходя в коридор.

– В первоисточнике было «Божьим словом», – поправил Николай Степанович. – Это сказал Кортес капеллану Диего де Ланда⁴. А потом фразу переиначил по-своему Аль Капоне... Да, кстати? А как звучит твое волшебное слово?

– Пожа-алуйста... – жалобно протянул Армен, и оба засмеялись.

– Пожа-алуйста... – эхом отозвался кто-то сзади. – Николай Степанович...

– Что? – Армен уже стоял, полуприкрывая маршала плечом, рука отведена назад – можно бить, можно выхватывать оружие...

– Постой, мальчик, постой. – Николай Степанович положил ему руку на плечо. – Это, можно сказать, свои...

От стены отделился человек, которого он в последнюю очередь ожидал встретить здесь. Человек походил на страшно усталого, обносившегося и постаревшего Шаддама – и не имел ни малейшего отношения ни к древним расам, ни к Конгрессу, ни к Испании. Это был бригадир таджиков-строителей, которые в прошлом году ремонтировали Николаю Степановичу дачу. Его звали Идиятулла, обычно просто Толик. Когда-то он был авиационным инженером. Дачу отремонтировали хорошо, но за окончательным расчётом Толик почему-то не пришёл, а бригада не решилась взять его пай – сказали, пусть пока деньги полежат...

– О, господи... – Армен тоже узнал его. – Толик? Что вы здесь?...

– Если можно, – сказал Толик, – что-нибудь съесть...

У входа в ресторан подпрыгивал Костя и смущённо переминался Шаддам.

– Нойда нашлась, – сказал Костя. – Идёт сюда.

– Хорошо, – сказал Николай Степанович. – Значит, никуда пока не идём, ждите нас у бассейна, позовите сюда Аннушку.

– А Стёпа тоже здесь? – спросил Толик.

– Нет, он на хозяйстве... Так. Вы сколько не ели?

– Четыре... пять дней. Да, пять.

– Тогда чего-нибудь лёгкого и немного, понимаете? Нужно постепенно.

– Я знаю, Николай Степанович. Мне приходилось голодать...

Стало неловко.

– Сыр, – сказал Николай Степанович Армену. – Три ломтика ветчины, оливки. Чай. С сахаром?

Толик кивнул.

Армен ушёл к столу с закусками, а Николай Степанович повернулся к Толику.

– Так что случилось? Куда вы тогда исчезли? Откуда сейчас?

– Из Португалии...

– Понял. Документы хоть какие-нибудь есть?

– Нет.

– И как же вас угораздило?

– Шайтан помог.

Они помолчали. Вернулся Армен с подносом. Толик, с трудом сдерживаясь, проглотил ломтик сыра, потом другой. Подошла Аннушка, всплеснула руками. И Толика прорвало.

...не жадность это. Неправда. Когда детей надо кормить – это не жадность. Говорят тебе: всё бросай срочно, такая работа редко кому выпадает, зато в конце – деньги, много,

---

⁴ Ланда, Диего де (1524–1579) – испанский хронист, член ордена францисканцев. В 1573 г. епископ Юкатана (область на одноимённом полуострове, главным образом в Мексике). Изучил язык народа майя, ввёл инквизицию, сжёг все старинные рукописи майя, которые сумел добыть. Предварительно некоторые скопировал.

больше, чем надеялся, так, чтобы не только кормить детей, но и чтоб школа, чтоб уехать, чтобы жизнь – а не всю жизнь выхаживать виноград, который всегда не твой, а хозяйский... Разве жадность – поехать за деньгами, которые дадут детям нормальную жизнь?

Только ехать надо было прямо с места – иначе не успеть, иначе не возьмут, потому что уже улетает самолёт, уходит автобус, и не успеешь вскочить на подножку, даже если удержишься всего лишь позвонить. Вот он только и успел – дать вербовщикам адрес Николая Степановича и попросить, чтобы передали односельчанам в бригаде: заберите деньги, передайте семье, пусть не беспокоятся, придёт время – отец вернётся. С большими деньгами. Толик зарычал горлом – наверное, это был смех.

Тогда, прямо на строительном складе, куда он приехал отблагодарить хороших людей за хороший товар, его и подрядили строить особняк в Португалии для нефтяного магната, которому моря по колено, а Памир по плечо. И последнему дураку, последнему авиационному инженеру было ясно, что такую удачу выпускать нельзя. Документы? Паспорт по сегодняшним порядкам у любого человека восточной внешности с собой даже ночью, визу рабочую – сделают прямо на границе, нефтяным магнатам ведь не законы писаны, а дыры в этих самых законах...

Самолёт до Москвы. Самолёт на Кипр. Ещё самолёт – маленький, набитый под завязку, без стюардесс, но со смешливыми пилотами. Жарко, тесно, зато по рядам гуляют, из рук в руки, большие бутылки со сладковатым кипрским питьём. Собирают паспорта. Скоро приземляемся. Приземлились. У трапа трое в форме. Автобус. Провал.

Вонь и земляная полутьма, в которых он очнулся, сразу объяснили всё то, о чём давным-давно должен был догадаться разумный человек с высшим образованием, в пятом классе читавший и «Хижину дяди Тома», и «Пятнадцатилетнего капитана». Объяснение было настолько всеобъемлющим и всеподавляющим, что ни вопросов, ни воли к борьбе у Толика попросту не осталось. Единственное, что, по странной прихоти воображения, мучило его на протяжении нескольких дней, – не досада на собственную – жадность? глупость? недогадливость? невезучесть? – нет: он никак не мог понять, зачем их усыпили по дороге, если потом пришлось возиться с выгрузкой спящих тел из автобуса. Ответ пришёл с лёгкостью – когда самого Толика погнали выгружать из знакомого автобуса следующую партию «счастливиц».

Вместе их держали недолго. По одному, по два, по три человека их продавали местным фермерам, строителям – в общем, хозяевам. Очередной изгиб Толиковой памяти заставлял называть их бауэрами – тоже, видимо, читал что-то в детстве. Запугивать рабов не пришлось: сгорбленные плечи, обвисшие длинные натруженные руки, вьёвшаяся в кожу земля, обесцветившая глаза покорность удостоверяли личность для вербовщиков куда лучше, чем навеки пропавшие паспорта. Толику хватило ума скрыть от хозяев и высшее образование, и способность худо-бедно ориентироваться в словах незнакомого, но всё же романского языка.

Рассказывать о своей жизни в рабстве Толик не стал. Начал было, но в горле опять заклокотало, руки мелко задрожали, и после паузы он коротко объяснил, что про Барселонский Конгресс прочитал в газете, которая просто валялась на стройплощадке. Занесло ветром. Да, он умеет читать и по-португальски, и по-испански, говорить – нет, а читать – вполне. И тогда он просто взял и пошёл в Барселону. Почему он знал, что найдет здесь Николая Степановича? Просто знал. Что-то тогда подслушал нечаянно на даче, фамилия знакомая в заметке попала... Да и не нашёл если бы, то хуже бы не было... Он шёл пешком и ехал на попутках. Это оказалось легко. Много легче, чем решиться на такое.

Вот и всё. Он здесь.

– Да-а... – протянул Николай Степанович. – Какие будут соображения, народ?

– Какие тут могут быть соображения! – возмутилась Аннушка. – Никаких тут не может быть других соображений!

– Не надо думать, надо трясти, – покивал согласно Николай Степанович. – Даю вводную. В Испании действующих румов нет. Ближайшие – под Лиссабоном, в Марселе и в Касабланке. Через границу, даже эту несерьёзную, без паспорта – рискованно...

– Команди-ир!.. – укоризненно протянул Армен.

– Я знаю, и в крайнем случае так и поступим. Но крайний случай ещё не наступил. Я предлагаю вызвать Илью, и он через цыган всё организует. А?

– Можно и без Ильи, – сказал Армен. – Мы с Костей...

– Можно, – согласился Николай Степанович. – Но Илья это сделает надёжнее. Теперь: надо будет Толика на эти дни, пока Илья не прилетел, где-то разместить. Вот это ты и организуешь, хорошо? Потому что в этой гостинице без паспорта...

– Ага... – Армен задумался. – Ага... Понял. Есть пара вариантов, прокачаю. Не проблема.

– Отлично, – сказал Николай Степанович. – Детали обсудим после. Идиятулла, по моему, вы спите.

– А? – очнулся Толик. – Разве?...

– Армен, отведи его к себе, дай помыться с дороги – и в койку. Будем считать, что сегодняшний день по этому делу мы распланировали. А завтра...

– Илье вы сами позвоните?

– Да, сам. Что?

Рядом стоял Шаддам.

– Николай Степанович, Нойда вернулась. В ошейнике записка...

Лист бумаги, неровно выданный из ежедневника. И – мелкими готическими буквами!..

Отто, ну почему вы не пишете рунами? – Тогда мне не сослаться на дурной почерк...

«Дорогой Николас! События крайней важности требуют нашей немедленной встречи. Жду вас как можно скорее – сегодня, разумеется – по адресу...» – и вот тут уж точно неразборчиво, потому что Отто испанское название изобразил стандартной латиницей. Carders, что ли? Или просто саггер, что значит «улица», или вообще с. Argenteria...

Ладно, не страшно, Нойда покажет дорогу.

Да нет, можно проще. В номере лежит подробная карта города. Сейчас всё поймём...

– Командир, – Костя поднял палец. – Можно мысль скажу?

– Угм.

– А может, мы усложняем? Есть яхта Якова Вилимовича. Грузимся на неё всем табором и отплываем. Богатую яхту если и будут досматривать, то так, мельком. Так что нашего друга мы прикроем вуалью – и вуалья.

– Не исключено, что всё так и получится, – терпеливо сказал Николай Степанович. – Хотя сейчас, после тех взрывов, и погранцы, и жандармерия залиты скипидаром под пробку. И как они будут досматривать яхту, я не знаю. Тут бостонского приятеля моего, безногого инвалида, при каждой посадке в самолёт раздевали догола – шесть раз подряд... Очень свободный и насмерть перепуганный мир. А вы хотите, чтобы яхту, битком набитую русскими бандитами...

– Почему бандитами?

– Потому что они нас так видят. И с этим следует считаться...

Николай Степанович вдруг резко выдохнул, даже кашлянул. По позвоночнику продёрнуло морозцем: чувство близкой опасности проснулось внезапно – и было долгожданно и желанно, как порыв ветра в бесконечно долгий душный, затхлый и тусклый день.

– Командир, ну вы шаман!..

От стойки портье к дверям ресторана шли двое. Они были видны пока только через двойную прозрачную стену-аквариум, где плавали маленькие декоративные акулы. Рядом

с акулами эти двое смотрелись особенно уместно. Их было не спутать ни с кем: одинаковые (ну, почти одинаковые: всё-таки один был просто брит наголо, а другой – стрижен под ёжик) круглые головы с прижатыми ушами, одинаковые солнцезащитные очки по двадцать пять долларов пара, купленные ими со скидкой за восемьсот, шеи толщиной в ляжку и цепи толщиной в руку, расстёгнутые до пупа рубашки, колышущиеся животики и вообще низкий центр тяжести, обеспечивающий непотопляемость – в общем, явные и безоговорочные соотечественники... Николай Степанович уловил испуг, брызнувший от Толика, и ободряюще кивнул ему.

Впрочем, он ещё не решил, что будет делать. Снова накатывала апатия...

Было без четверти одиннадцать.

Говорят, что бандиты не имеют национальности. Именно поэтому знаменитая «русская мафия» состоит прежде всего из чечен, хохлов, чухны, армян, азербайцев, цыган, жидов и грузин – и нормальному русскому человеку сделать в ней карьеру трудно, почти невозможно, затирают. Взять, к примеру, Шпака и Шандыбу – им уже по тридцать семь, не мальчики, а всё ходят в быках, – а вот бригадиром у них Ираклий, а над Ираклием стоит Муса. Вопросы есть? Вопросов нет. Русофобия (Шпак слово просто помнил, а Шандыба ещё и знал, что оно означает).

И даже не в деньгах дело, хотя и в деньгах тоже. Но перед пацанами неловко, домой хоть не показывайся. Да и свои пацаны-девчонки уже подрастают. И начинается. А почему, папочка?... (Типа, почему это он тебе приказывает, и ты среди ночи куда-то несёшься?) Приходится выкручиваться, даже врать иногда. Последнее дело – детишкам врать. А что делать?

В этот раз, правда, и не торопились, и вообще расслабон полный получился. Беглый таджик, можно сказать, большими буквами на стене написал, где его искать. В смысле, остался кусок газеты, в котором он от усердия головкой спички наподчёркивал всё: и город, и название отеля, и дату. Вот они туда сразу и рванули, зная почти наверняка, что успеют раньше.

Четыре дня они просто сидели в арендованном катере и в толстый бинокль пялились на нужный отель. И, когда появился таджик, причалили к пляжу и пошли таджика брать. По опыту они знали: это совсем просто. Умный Шандыба говорил, что они даже испытывают облегчение, когда их берут. Потому что не приспособлены к свободе – и в этом смысле они даже не люди. Вот мы с тобой люди, любил он рассуждать под хороший вискарь со льдом (пил он мало, но когда пил, всегда рассуждал), потому что необходимость свободы нами осознанна и выстрадана, мы с тобой как древние греки-эллины, понимаешь? – а вот все эти – они варвары и потому самой природой предназначены нам в рабы. Шпаку ничего не оставалось, как соглашаться. Кто же в здравом уме не станет считать себя эллином?

Они вошли в ресторан. Таджик, похоже, только что влип во что-то горячее, потому что стоял позади столика вытянувшись, будто снасть проглотил, а парнишка – похоже, из местных – придерживал его за локоть. За столом сидела парочка туристов, он и она, средних таких лет, он постарше, она помладше, и Шпак подумал: англичане, – а Шандыба: шведы. Напротив шведоангличан сидел явный латинós, а рядом чуть ли не по стойке «смирно» торчал лохощёный, как сиятельная выхухоль, араб. Ну прям ассамблея ООН, подумал Шандыба. Интересно, что этот лох спёр? Наверное, какой-нибудь обьедок. И за этот обьедок его готовы удавить. Эх, Европа, мать вашу в закат...

Широко улыбаясь специально для иностранцев и даже расставив руки как бы для объятий, они зашагали к таджику, Шандыба даже заготовил какую-то корявую, но всё объясняющую фразу на испанском – и даже начал её говорить. Латинós, поморщась, приподнялся со стула. Наверное, он не любил, когда так говорили по-испански. Шандыба начал снова, стараясь вспомнить, как правильно. Пока он вспоминал, он забыл, что именно хотел сказать.

Ну и ладно, он махнул рукой, и тут Шпак его за эту руку поймал. Шандыба посмотрел на Шпака; тот моргал и что-то пытался из себя выдавить, но не мог – заело. Потом Шандыба понял сам. Они уже давно должны были поравняться со столиком, обойти его и подхватить остолбеневшего таджика в объятия. Но стол почему-то не стал ближе – зато он стал *больше*. И те, кто сидел за столом и стоял рядом, тоже стали *больше*. Шпак и Шандыба ростом стали ровень *с сидящими*. Не успев ничего понять, Шандыба по инерции сделал ещё шаг вперёд – и понял, что уменьшился ещё немного. Нет! – пискнул Шпак. Он тянул Шандыбу назад. А Шандыба вдруг упёрся. Что-то неведомое, страшное, но невыносимо притягательное оказалось вдруг там, под столом, у правой дальней ножки, его невозможно было отсюда рассмотреть, но – страшно хотелось. Он шагнул ещё и ещё раз, волоча Шпака за собой, и тот уже тоненько, по-котёночьи, ныл: не-е-ет!

Большие вогнутые лица нависли сверху. На лицах угадывалось опрокинутое любопытство.

Было без десяти одиннадцать.

– Очень неплохо, Костя, очень неплохо, – сказал Николай Степанович. – Однако нам пора.

Ещё раз скользнув взглядом по застывшим на четвереньках бандитам, все направились к лифту.

Лифт был битком набит голыми немцами. Они радостно высыпали из кабинки и тяжёлой першероньей рысцой устремились по направлению к пляжу, приплясывая на успевшей разогреться плитке дорожек. Более этически продвинутые шли по траве.

Вероятно, проснулось наконец и решило предъявить себя миру тайное общество адмитов.

– Я предлагаю... – начал было Николай Степанович, входя вслед за Аннушкой в лифт – и тут грохотнуло в первый раз.

Было без пяти одиннадцать.

3

Жизнь параноика опасна и одинока, потому что, если его на самом деле преследуют, он может рассчитывать только на себя.
Д. Х. Шварц «По следу орла»

– Что это было? – пробормотал Шпак, с кряхтением распрямляясь. – Рванули опять кого, что ли?

– Ложись, дура, – сказал Шандыба. – Стеклом посечёт.

– Да не...

Шандыба дёрнул его за ногу. Друзья сели на пол плечо к плечу, готовые при малейшей опасности нырнуть под стол. Стол, надо сказать, не самая худшая из защит при всякого рода взрывах и прочих землетрясениях...

– А до этого...

– Не знаю, братан. И... давай-ка делать ноги. Конгресс тайных обществ, ага. Колдуны какие-то, не дай Господь. Ну их к бесам. На колдунов не подписывались.

– А таджик?

– Ну что таджик? Поздно. Схарчили парня, ясен пень, некроманты херовы. Ты же видел, как его уводили...

Новый порыв ветра, не в пример сильнее предыдущего, тугим комом врезался в фасад здания. Брызнули первые стёкла. Громко заорали сигнализацией машины на стоянке. И тут же стало почти темно: массивная чёрная туча смяла солнце и покатила дальше...

Громыкнул гром.

– Ураган, – удивлённо сказал Шандыба. – Как тогда, в Майами.

– Тогда-то за сутки предупредили, – сказал Шпак.

– Может, мы прослушали, – сказал Шандыба. – А может...

Шарахнуло так, что распёрло уши – словно после разрыва гранаты. И с оттяжкой, медленно, чинно – посыпалась стеклянная стена, отделяющая зал ресторана от прогулочной дорожки, за которой начинался пляж и дальше – море.

На пляже закипала паника.

Потемнело и похолодало буквально за считанные секунды. Едва Пятый Рим и примкнувший к ним Толик, прикрываясь руками от секущего ветра, загрузились в лифт, едва закрылась дверь и прозрачная банка с людьми начала своё медленное движение вверх, крупными и в первые секунды единичными каплями ударил дождь. Капли были размером со стакан: они разбивались о землю с тяжёлым затыжным плеском. Потом вода обрушилась водопадом.

И это был не простой водопад. Наверное, так выглядит нижний бьеф尼亚гары или Виктории – водяная лавина сверху, водяной вулкан снизу, всё в густом свирепом мечущемся тумане, и слышен только сокрушительный рёв...

В лифте загорелись лампы: наверное, на внезапную темноту сработал фотоэлемент. Сразу стало плохо видно, что делается по ту сторону стекла. Но так продолжалось недолго: чуть миновав четвёртый этаж (заказан был пятый), лампы погасли, а лифт мёртво встал.

Костя стукнул основанием ладони по клавише с цифрой «4» – вероятно, в надежде, что в проводах осталось ещё немного электричества и на несколько-то сантиметров пути вниз – не вверх же даже, а вниз! – его хватит. Но электричества не осталось – наверное, оно всё ушло в небо.

Потому что там началось невероятное.

Несколько раз лифт ощутимо трянуло: наверное, молнии ударили в здание. Залитый потоками воды прозрачный пластик вспыхивал так, будто взрывался сам; просто зажмурить глаза было ничто, и даже сквозь ладони, кажется, эти вспышки прожигали до мозга. Страшные упругие и хлёткие удары грома *отсушили* вдруг всё: руки, ноги, органы равновесия, эмоции, мысли; во всяком случае, Николай Степанович ощутил себя парящим в пустоте над бездной...

Неизвестно, сколько это длилось. Кажется, в верхнем этаже отеля возник пожар, но его быстро залило и задуло. В какой-то момент стало ясно, что прекратился дождь, стена лифта стала почти прозрачной. Уж лучше бы дождь продолжался... Внутренний дворик и пляж стали неузнаваемыми: на пляже не осталось ничего абсолютно, и только пирс, выступающий в море, ещё держался, хотя и сделался вполовину короче, а настил его загнулся, как крышка шпротной банки; двор же превратился в чудовищную свалку всего: строительного мусора, битого стекла, опрокинутых автомобилей; посередине медленно вращалась, стоя на одном углу и не падая, весёленькая жёлтенькая крыша какого-то павильончика.

Николай Степанович успел заметить по крайней мере десять-двенадцать лежащих: мёртвых или потерявших сознание. Кто-то испуганно показался в окне второго этажа и пропал. Куда делись остальные люди, было совершенно непонятно...

Потом молнии обрушились на центр двора – огненно-дымной разлетелась во все стороны весёленькая крыша, – и тут же снова ударил ветер и посыпался град.

Словно в замедленном кино – видно было, как, сверкая отражённым светом молний, сверху и со стороны моря плотным ровным строем несутся градины.

Особенно страшен был первый удар – лифт затрясло, и в одном месте, сбоку, пластик не выдержал и лопнул. Дыра, образовавшаяся как раз над невысокими никелированными перильцами, была небольшой, едва ли пройдёт кулак, – но в неё сразу ворвался такой свирепый холод, такой ветер и такой вой, что все невольно закричали...

Шпак и Шандыба, прикрываясь стойкой портье, ползли к выходу. Вообще-то выход теперь был практически со всех сторон, стеклянные стены вынесло начисто, но в той стороне с потолка хотя бы ничего не падало – в отличие от холла. Что там разбивалось звонко и сокрушительно, они так и не поняли – но и не горели ни малейшим желанием узнать.

Было холодно, как на том свете. Ветер свистел и орал на все голоса, и Шпак видел, как просто по воздуху несло, крутя, как бумеранг, в море какого-то парня.

Потом Шандыба рванул Шпака за ногу, показал: за мной! – и в два прыжка оказался на лестнице, ведущей вниз, в подвал – а вернее, в бильярдную и тренажёрный зал. Шпак последовал за ним, с ужасом глядя на длинный пожарный автомобиль, катящийся кувырком и вприпрыжку по направлению к отелю. Он врезался в угол, колонна подломилась, потолок обрушился. Но за миг до этого Шпак слетел с лестницы и растянулся во весь рост.

Вдогонку его окатило пылью штукатурки. Большой круглый светильник, похожий на блестящий обод колеса, прокатился вокруг него и, подребезжав, лёг.

– Ну, бля... – протянул Шпак – и вдруг услышал себя.

Рёв и грохот продолжались, но как бы за углом. Он опасливо посмотрел вверх на четырёхугольник входа. Там что-то громоздилось – вроде бы куски арматуры, – но выход оставался. И свет кой-какой оттуда сюда просачивался...

– Кажись... – начал Шандыба, но что именно «кажись», так и осталось неизвестным: землю выдернули из-под ног.

Костя потянул Николая Степановича за руку, указывая влево и вниз. Там – как раз возле ресторана, из которого вечность назад они вышли – вдруг расселась земля, и из трещины

полыхнуло дымно и багрово. Тут же оказалось, что весь внутренний дворик заметён грязным снегом. Кабина лифта тряслась так, словно её столкнули вниз с уступчатой пирамиды.

– Это землетрясение! – прокричал Костя в ухо Николаю Степановичу.

– Да! – заорал в ответ тот.

– Упадём!

Вместо ответа Николай Степанович тряхнул его за плечо. Действительно, нужно было по-настоящему что-то делать.

«Дорожный набор» – в левом кармане... карты, подставка для карт, стальной пенальчик с тремя чёрными свечами, подсвечничек, спички... Так, что у нас тут со сторонами света? ... Единственная непрозрачная стена – это дверь лифта, и обращена она... обращена она... примерно на юго-восток. Нет, даже представить не берусь, куда попадём. Должно быть место с какой-то вертикальной плоскостью, хотя бы с толстым деревом, а значит – суша...

Поехали.

Он ободряюще подмигнул Аннушке. Она всё поняла и побледнела. Перед всеми этими древними заморочками у неё был бессознательный непреодолимый страх – примерно так же другие женщины боятся змей, мышей и пауков.

Николай Степанович пристроил свечку на подсвечнике, напоминая канцелярскую кнопку, в подставке-зажиме закрепил карту – любимую свою трефовую девятку; потом прокричал Косте на ухо:

– Когда откроется дверь... – и дальше жестами: Армен – первый, Нойда – вторая, Шаддам – третий, Толик – четвёртый, ты – пятый, Аннушка – шестая, я – замыкаю.

Спорить не стали. Некогда было спорить.

Тряхнуло снова. Левое крыло здания – то, над рестораном – заметно перекошилось; из трещины в земле вдруг вымахнул огромный столб огня – почти до крыши. Он продержался несколько секунд, почти не склоняясь под порывами ветра, потом нехотя рассеялся.

Лифт ощутимо сдвинулся и накренился.

– Мы поднимаемся?

– Нет! Напротив! Мы опускаемся!

– Хуже – мы падаем!

Коробок со спичками вылетел из руки, спички рассыпались. Николай Степанович полез в карман за зажигалкой...

Когда стена бильярдной рухнула и стало светло, Шандыба в первый момент обрадовался, потом сообразил: они же под землёй! Откуда тут свет?... И тут же страшно запахло тухлятиной – так, что он задохнулся и сел на пол.

– Это ад, – тихо сказал над ухом Шпак.

Но Шандыба уже и сам видел: там, где только что была стена, раскрылась пропасть. Она раскрылась до самого верху, оттуда и дневной свет. Но она раскрылась и до самого низу... и почему Шандыба это знал, он не сказал бы ни за что. Просто такова она была, эта пропасть. Бездна без дна.

Полыхнуло огнём, и снова стало чем дышать.

Пол – отличный пробковый пол – дрожал. Всё сильнее и сильнее.

Они заползли за бильярдный стол и частично даже под него. Под правую руку Шандыбе подвернулся кий. Это немного успокоило – как будто возвращаются прежние добрые времена, когда ещё не было в свободном владении бейсбольных бит, и он пользовался для дел обломанным кием.

Кии, обрезы двустволок, арматурные прутья... Молодость. Молодость, чёрт бы её побрал...

Они лежали, пытаясь отдышаться. Вверху глухо рвануло, и, как ни странно, на секунду зажглись лампочки. Потом померкли, но продолжали чуть-чуть светиться. Этот свет смешивался с тем серым дневным, что просачивался сквозь щель, и с теми красными отсветами, которые бродили по потолку – получалось что-то невысказанно жуткое. Но глаза постепенно привыкали хоть к такому свету...

– Ты смотри... – прохрипел вдруг Шпак. – Ты только смотри...

Шандыба и сам не собирался высовываться.

Шпак лежал слева, и ему было видно то, что от Шандыбы загораживал маленький перевёрнутый пул. А там, за пулом, вдруг послышалась какая-то возня – и раздался свирепый исчезающий визг!

Потом заскребло по полу, раздалось внятное электрическое гудение – и наконец Шандыба увидел всё. Увидел то, что Шпак видел раньше него, отчего и лежал сейчас рядом тугой абсолютно неподвижной замороженной глыбой...

То, что выползло в проход, в первые секунды похоже было на игрушку. Суставчатое тело на вытянутых гусеницах, торчащий вверх и тоже суставчатый хвост с клешней на конце. Почему-то Шандыба понял, что дьявольский механизм пятится... и верно: вот показалась шея, и вместо головы – проклятье! – покачивал вверх-вниз укороченным хоботом «Кольт-Браунинг» пятидесятого калибра! Коробка с патронами висела снизу, как зоб у пеликана. А по сторонам «головы» таращились на всё вокруг множеством глазков-объективчиков видеокамеры – наверное, чуть ли не кругового обзора...

Но, может быть, они всё-таки смотрят не сюда?...

Тварь ещё дёрнулась назад – и выволокла из-за пула отчаянно цепляющегося за воздух пацана-коридорного. Она держала его передними клешнями за обе ноги, но тот продолжал как-то брыкаться.

Ствол пулемёта в задумчивости опустился, уставился на паренька, затем задрался к потолку, и из-под «зоба» стало выползать-выбираться что-то ещё – надо полагать, калибром поменьше или вообще колюще-пилящее...

Точно. Круглая пила.

Мысли Шандыбы, как всегда на крутых разборках, потекли медленно и плавно. Правда, потом он не смог вспомнить ни одной. Было в них что-то про лесопилку в Бендерах и про лягушек. Как это увязывалось с тем, что он сделал, Шандыба не знал.

Он встал и опрокинул на тварь тот бильярдный стол, под которым сидел. Стол был хороший, центнера в два точно. Тварь успела среагировать, отпрыгнула, отпустив мальчишку, но всё-таки углом стола ей вмазало по той высунувшейся хреновине с пилой и по одной из видеокамер. Вторую камеру Шандыба разнёс кием. Потом он вручную выломал из хвоста твари ту клешню, оказавшуюся кусачками, и перехватил пару кабелей, идущих к пулемёту. Слепшая тварь дёргалась туда-сюда, пытаясь сбросить невесть откуда взявшегося укротителя, потом мёртво стала.

Пацан лежал без сознания, Шпак осмотрел его на скорую руку, отмахнулся: на вид страшно, но ничего серьёзного.

Они поколдовали над пулемётом. Нормальная гашетка отсутствовала, но если вот этот и этот провод соединить, то получается электроспуск. Шпак зачистил концы, и они опробовали трофей, пальнув разок в сторону разлома.

И оттуда вылезла вторая тварь.

Аннушка наклонилась к самому уху, но Николай Степанович даже не расслышал, а догадался: «Брюс!»

Он развёл руками: сейчас ничего не сделать! Вот выберемся – сразу начнём искать!

Аннушка показала рукой: пометить! Оставить знак!

Николай Степанович кивнул, вытащил нож и на пластиковой облицовке двери нацарапал руну «Гар», которую иногда использовал как одно из своих факсимиле. Теперь, если Брюс сюда доберётся, он будет знать точно, что они были здесь, и прикинет направление, в котором они могли скрыться. Заодно Николай Степанович на полу сделал несколько глубоких царапин там, где стояла карта, и поковырял глубоко, как мог, там, где стояла свеча.

Дом встряхнуло ещё раз. Потом по небу со стороны моря пронеслось что-то огненное – и рухнуло невдалеке. Почему-то зажёгся свет, но тут же погас.

Армен и Толик, как могли, затыкали дыру, но ветер влезал чёрт знает в какие щели. Снаружи началась настоящая метель.

Зажигалка Николая Степановича давала слишком короткий огонёк, свеча никак не хотела заниматься.

Армен что-то объяснял Толику, тот кивал.

– Закройте как следует эту дыру! И дайте мне другую зажигалку!

Вторая тварь чем-то отличалась от пленённой, но вникать в эти отличия было некогда: пока та пыталась разобраться в ситуации, к которой, скорее всего, не была подготовлена, Шандыба навёл на неё ствол, а Шпак соединил провода. Два десятка пуль весом по шестьдесят три грамма каждая покинули ствол со скоростью пятьсот метров в секунду. Поскольку до мишени было метров двенадцать, все они хоть во что-то, да попали.

Когда-то в небе над Германией точно такие же очереди точно таких же «Кольтов-Браунингов» разбирали на части очень крепкие самолёты «Фокке-Вульф-190». О более хрупких «Мессершмиттах» и говорить не приходилось.

В общем, от проклятой твари осталась одна гусеница и половина корпуса, всё остальное куда-то делось. Гусеница стремительно нарезала круги, пробка из-под неё так и летела...

Но из провала лезла следующая тварь.

Теперь всё получилось. Свеча горела на полу, свеча горела... был день, но за стеклом бушевала свинцовая темень, летел снег, всё тряслось и содрогалось, а здесь горстка людей как зачарованные смотрели на странный, какой-то неживой огонь. Тень от свечи легла на сероватый, под металл, пластик двери... секунда, другая – и тень стала как будто плотнее, словно вдвинулась вглубь стены. Николай Степанович указал на Костю: пошёл!..

Это было как сброс парашютистов: пошёл! пошёл! пошёл!..

Он перенял дыру у Армена: пошёл!

Аннушка: бысстро!..

Сам: отпустить дыру – и, опережая порыв ветра, метнуться к открывшейся куда-то двери, успеть прыгнуть...

И – медленное кино: во внутренний дворик на заметённый снегом холм хлама взбирается боевой робот, разворачивая свой четырёхствольный гранатомёт сюда, в сторону застрявшего лифта. Ещё один такой же робот выпрыгивает из окна второго этажа, Николай Степанович следит за ним в его замедленном полёте. Море отступило далеко, но через чудесную какую-то трубу, в которой нет ни тумана, ни снега, Николай Степанович видит высунувшуюся из воды драконью голову, украшенную золотой гривой. Дракон тоже видит Николая Степановича...

Ещё что-то важное, жизненно важное он замечает, пролетая сквозь дверь за сплюснутый миг до того, как ворвавшийся ветер задувает свечу – но тут же удар головой, искры, мягко, темно.

Через двое суток к посту жандармерии из зоны бедствия выбрали троё. Все находились в полубессознательном состоянии. Они ехали на куске кровельного пластика, кото-

рый волок один из этих неизвестно откуда взявшихся боевых роботов – правда, вместо оторванной пушки у него был белый флаг. Люди кутались в зелёное сукно. Молодой человек, коридорный из отеля «Каса дель Соло», был в сознании, но мучался от множества воспалившихся ран на обеих ногах. Более взрослые его товарищи оказались в состоянии психического шока – что и неудивительно. На посту их согрели, одели – и отправили в близлежащий госпиталь. Как ни странно, прибыл туда только коридорный. Но ни он, ни водитель санитарного фургона не могли ничего сказать про двух оставших – да и были ли они вообще? Может быть, их отправили другой машиной?... Поскольку пострадавших в зоне бедствия были сотни тысяч, и каждый день сотни людей куда-то исчезали, а тысячи возникали ниоткуда, то на этот случай просто махнули рукой. Ошибка учёта...

В ожидании парабеллума

Отец меня убьёт, а маменька ещё добавит...

Хотя я сделал всё, что мог. И пусть тот, кто может, сделает больше.

Я позвонил домой. Занято. Поганец опять забыл нажать на трубке кнопку отбоя. Это происходит так часто, что похоже на саботаж.

Я позвонил соседке Миле Вадимовне, чтобы она стукнула в дверь, чтобы этот поганец взял трубку. Но соседки не оказалось дома.

Больше звонить было некуда.

В общем, засада.

Оставалось набрать номер службы спасения и попросить меня спасти... но как им объяснить, как найти единственно верные пронзительные слова?!

В общем, ситуация была безнадёжной.

С последнего урока, с истории, я хотел было отпроситься (и меня бы отпустили, понятное дело, чего зря сидеть?) – но тут вдруг оказалось, что как раз на сегодня назначено чествование. Победителей олимпиад, турниров – и аза, грешного. Потому что приехали телевизионщики из Москвы и хотят это снять на плёнку для показа по всей стране.

Отец был прав – незачем срамиться. Нефиг.

Но мне хотелось славы и фанфар.

Вот я и получил фанфарой. По третьей чакре.

Историю я просидел как на иголках бешеного дикобраза. И почему-то думал: а вот будет смешно, если выпускные я не сдам, а в МГИМО меня уже зачислили. И что тогда?

Думаю, высокие договаривающиеся стороны – договорятся. Им не впервой. Дали⁵ же как-то аттестат Любке Смирницкой, матери двоих детей...

А потом был торжественный акт.

Меня придержали на сладкое. И вот чтобы я не убёг, пока *подавали* остальных, директор Борис Матвеевич сидел рядом, придерживая меня за локоток. Он не поверил моему слову! Не ожидал. Я привык относиться к этому человеку с уважением.

А он придерживал меня за локоток...

Потом так же за локоток повлёк на сцену. Вот, мол, вам наша гордость, умница и умник⁶, чествуйте, жрите, глумитесь, и плевать вам, что мне уже два часа как надо быть дома, а то отец меня убьёт, а маменька добавит!..

На сцене же меня разобрал смех. Я вдруг одновременно представил себе, как бы повёл себя на моём месте поганец, – и особую соль моей фантазии добавило то, что под кличкой «поганец» вынужден существовать доктор исторических наук, поэт, бывший депутат облсовета и Кнессета, почётный член двух десятков научных обществ, зампред комиссии ООН по растлению малолетних, а также владелец, всенародно избранный президент и единственный гражданин островного государства Утопия (у берегов Марокко), названного так потому, что в прилив оно утопает на фиг. Он говорит, что выменял его на две литровые бутылки джина «Бифитер». Так вот, этот доктор, этот пи-эйч-ди и прочее, сейчас вырвался бы из лап директора, подскочил к телекамере и заверещал: «Тётенька, а этот педофил меня за попу трогал!»

И всем бы сделалось гораздо веселее.

А я вместо этого встал, как зайчик, на задние лапки, уши прижаты, взгляд робкий (не дай бог подумают, что загордился), получил поздравления, получил ваучер, который они у меня же перед тем и отобрали, потом ещё один ваучер, который тоже заранее отобрали,

---

⁵ Дали, Сальвадор (1904–1989) – испано-американский живописец. Один из основоположников сюрреализма.

⁶ «Умники и умницы» – телепередача, позволяющая поступить в МГИМО вне конкурса.

потом документы о зачислении... Потом пошли подарки от спонсорья школы, спонсорья телевидения и просто примазавшихся. Больше всего мне понравился набор косметики для подтяжки лица. Это как раз то, что мне так отчаянно, просто до зарезу, нужно в этой жизни.

Потом я выступил с ответным словом. Вернее, с шестнадцатью. Я поблагодарил учителя истории, директора, весь коллектив школы, всех одноклассников, маму и папу – и пообещал учиться ещё лучше.

Борис Матвеевич был в восторге. Он хотел было, чтоб я продолжил, но я быстро застенялся и удрал от микрофона подальше.

Позвонил. Телефон был занят.

Наверняка поганец придумал какое-то новое изошрённое поганство...

Все свои мобилки поганец исправно терял, топил в унитазах или разбирал на запчасти. Так ему было удобнее поганствовать.

...Наконец на какой-то совсем уж мажорной ноте торжественный акт завершился. Я приготовился к финишному спурту, но тут меня взяли в кольцо девчонки из «Клуба Z-24/7». Это такое тайное общество. Никто не знает, что означает его название, а если и знает, то не скажет. Всё, что известно непосвящённым, – то, что они слушают Земфиру двадцать четыре часа семь дней в неделю. А в остальном девчонки нормальные. Стихи читают. На гитарах умеют. Даже готовят неплохо – тортики там...

В общем, тортик они и заготовили. В мою, трах-тибидох, честь. Белый такой тортик. С буквами. И воткнули в него вместо свечек бенгальские огни. Чтоб красивше.

Пока горели, получилось ничего себе. Только потом тортик стал серым в чёрную крапинку. И пока они на него тарасились, осознавая масштаб катастрофы, я трусливо сбежал.

И даже сбёг.

Подарки Борис Матвеевич позволил оставить в его кабинете, и я налегке рванул ловить машину. Потому что трястись полчаса на автобусе или сорок минут на трамвае я позволить себе не мог. Говоря высоким штилем, у меня кровь стыла в жилах.

У школьных ворот стоял какой-то высокий кривой старик в светлом длинном плаще и каскетке. Я почему-то не то чтобы испугался, но... не знаю. То есть видно было, что он здесь не просто внука дожидается. Да и вид у него был... не наш. Отец говорил, что раньше иностранца легко было по одежде отличить. Вот и этот чем-то выделялся – не нашим. Но чем – не знаю. А может, мне это показалось, потому что я понял – он неотрывно на меня смотрит. Просто прожигает взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.